

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Пеппер

Если уж на то пошло, из духовки едва-едва начинал валить дым, когда сработала пожарная сигнализация.

— У нас квартира горит?

Я опустила крышку ноутбука, где как раз было открыто окно скайпа, по которому я разговаривала со своей старшей сестрой Пейдж, которая учится в Пенсильванском университете. Вторая половина экрана была занята моим сочинением по роману «Большие надежды», и я его переписывала столько раз, что Диккенс, наверное, в гробу перевернулся.

— Нет, — пробубнила я, направляясь через кухню к духовке, — всего лишь моя жизнь.

Я открыла духовку, и из нее тут же вылетел огромный клуб дыма, открывая обзор на значительно почерневший монстроторт.

— Полный отстой.

Я вытащила стрелянку из чулана, чтобы вырубить сигнализацию, затем открыла окна. Наша квартира находится на двадцать шестом этаже, и из окон открывается вид на Верхний Ист-Сайд — на множество небоскребов, окна в которых горят даже тогда, когда нормальные люди должны спать. Я на секунду зависла, любясь этой картиной, потому что до сих пор не привыкла к ней, хотя живу здесь уже четыре года.

— Пеппер?

Точно. Пейдж. Я снова открыла ноутбук.

— Все под контролем, — сказала я, показывая большой палец.

Сестра скептически приподняла бровь. Я же решила обмазать наш монстроторт маслом, отчего Пейдж поморщилась.

— Что ж, если решишь вызвать пожарных, поставь ноутбук повыше, чтобы я могла увидеть, как горячие мужчины в форме вламываются в квартиру. — Глаза Пейдж метнулись по экрану ее ноутбука: наверняка посмотрела на незаконченный пост для кулинарного блога, который мы с ней вместе ведем. — Я так понимаю, сегодня у нас нет фотографий для поста, верно?

— У меня остались заготовки для торта — я попробую еще раз, как только они немного оттают. Скину фотографии позже.

— Ладно. И сколько монстротортов ты успела сделать? Мама еще не вернулась домой?

Я избегала смотреть ей в глаза, сконцентрировавшись на кусках теста, которые доставала из холодильника. Пейдж почти не спрашивала про маму в последнее время, поэтому мне надо было предельно осторожно подбирать слова.

— Она должна вернуться через пару дней. — Затем, не сумев сдержать себя, я добавила: — Ты могла бы приехать домой, если хочешь. В эти выходные мы почти ничем не заняты.

Пейдж наморщила нос.

— Я пас.

Я прикусила щеку изнутри. Пейдж всегда упрямится, когда я пытаюсь наладить отношения между ней и мамой, поэтому все мои усилия обычно идут коту под хвост.

— Но ты можешь приехать ко мне в Пенсильванию, — добавила она.

Идея была невероятно заманчивой, однако на мне висел якорь в виде эссе по «Большим надеждам» и другие

большие надежды, которые я должна была оправдать. Экзамен по статистике, итоговый проект по биологии, подготовка к выступлению в дискуссионном клубе, мой первый день в качестве капитана школьной женской команды по плаванию — и это только верхушка айсберга.

Каким бы ни было мое выражение лица в этот момент, оно все сказала за меня, потому что Пейдж побежденно подняла руки.

— Извини, — машинально сказала я.

— Во-первых, прекрати извиняться, — сказала Пейдж, с головой ушедшая в феминистскую теорию и агрессивно продвигающая ее. — И, во-вторых, что с тобой происходит?

Остатки дыма, наконец, развеялись.

— Что ты имеешь в виду?

— Все эти... штучки барби-отличницы, ты просто погрязла в них.

— Меня заботят мои оценки.

Пейдж фыркнула.

— Дома они тебя не заботили.

Под «домом» она подразумевает Нэшвилл, в котором мы выросли.

— Здесь все по-другому. — Ей это сложно понять, потому что она никогда не училась в академии Стоун Холл, элитной частной школе, где уровень конкуренции зашкаливает настолько, что Блэр Уолдорф¹ пришлось бы здесь изрядно попотеть. В тот год, когда мы переехали сюда, Пейдж была выпускницей и настояла на государственной школе, потому что ее оценок с предыдущего места учебы вполне хватало для поступления в университет. — Требования к ученикам в этой школе значительно выше. Да и поступать в колледж теперь гораздо сложнее: все слишком конкурентоспособные.

— Но не ты.

¹ Блэр Корнелия «Би» Уолдорф — главная героиня серии романов «Сплетница», написанных Сесилией фон Цигезар.

Ха. Может, я и не была такой до того, как она бросила меня ради Филадельфии. Сейчас же одноклассники знают меня как Терминатора. Или как Паиньку, как Пеппер Синий Чулок, или еще как-нибудь — зависит от того, на что хватит фантазии главному клоуну класса, Джеку Кэмпбеллу, и по совместительству большой занозе в моей заднице.

— И разве ты не подавала документы в Колумбийский университет? Думаешь, их будет волновать твоя вонючая «хорошо с плюсом»?

Я не думаю, я знаю, что их будет волновать моя вонючая «хорошо с плюсом». Я краем уха слышала, как какие-то девочки обсуждали ученика из другой школы, которому Колумбийский университет отказал из-за того, что к концу школы у него упала мотивация к учебе. Но прежде чем я смогла оправдать свою паранойю ничем не подкрепленной сплетней, открылась входная дверь и следом раздалось цоканье маминых каблучков.

— Пока, — сказала Пейдж.

Она отключилась быстрее, чем я успела повернуться обратно к экрану.

Я только вздохнула и успела закрыть крышку ноутбука до того, как мама вошла на кухню, одетая в ее обычную «аэропортную» одежду: пара узких черных джинсов, кашемировый свитер и огромные солнцезащитные очки, которые, если честно, смотрелись на ней несуразно в такой поздний час. Она подняла очки на идеально уложенные светлые волосы, чтобы проинспектировать мой вид и погром, который я устроила на ее обычно безупречно чистой кухне.

— Ты рано вернулась.

— А ты уже должна быть в постели.

Она подошла ко мне и обняла, а я сжала ее в ответ немного сильнее, чем это следовало бы сделать человеку, вымазанному в масле. Мамы не было всего несколько дней, но я чувствовала себя ужасно одиноко. Я все еще не привыкла к тому, что Пейдж и папы нет рядом.

Не отпуская меня, мама демонстративно принюхалась. Хотя я точно знала, что запах горелой выпечки уже развеялся, когда мама отстранилась, она скептически приподняла бровь, как это делает Пейдж, и не сказала ни слова.

— Я пишу эссе.

Она взглянула на противень с тортом.

— Кажется, книга очень захватывающая, — иронично сказала мама. — Это что, «Большие надежды»?

— Именно.

— Разве ты не дописала это эссе неделю назад?

А она была права. Думаю, если я так и не напишу ничего путного, один из моих черновиков все-таки можно будет сдать. Но проблема была в том, что проверка эссе в академии Стоун Холл больше напоминает инквизицию. Я сражаюсь за место в Лиге плюща с возможными наследниками йельских бульдогов. На этом поле битвы недостаточно быть хорошей или даже очень хорошей — надо быть лучшей. Побеждай или будешь побежденной.

Что ж, по крайней мере, метафорически дела обстоят именно так. Кстати, говоря о метафорах. Даже прочитав эту книгу дважды и законспектировав толкование всех метафор до потери сознания, я не могу вылить это в эссе так, чтобы наш учитель по литературе не уснул, читая его. Каждый раз, когда я пытаюсь написать связное предложение, мои мысли улетают в сторону завтрашнего занятия по плаванию. Это будет мой первый день в качестве капитана команды, и я знаю, что Пуджа летом была в тренировочном лагере, а это значит, что она может плавать быстрее меня, и это может дать ей прекрасную возможность подорвать мой авторитет и выставить меня идиоткой перед всеми и...

— Хочешь пропустить завтра школу?

Я устала на маму, словно у нее внезапно выросла еще одна голова. Пропуск школы — последняя вещь, в которой я сейчас нуждаюсь. Даже пропущенный час даст всем возможность обойти меня, что уж говорить про день.

— Нет. Нет, спасибо, я в порядке. — Я оперлась о столешницу. — Твои встречи закончились?

Она из кожи вон лезла, чтобы сделать «Высшую лигу бургеров» международной сетью — последние дни она только и говорила о встречах с инвесторами в Париже, Лондоне и даже Риме, которые необходимы, чтобы понять, в каком европейском городе стоит открываться в первую очередь.

— Не совсем. Мне придется вернуться. Компания мечет громы и молнии по поводу завтрашнего обеда в честь нового меню, и будет не очень красиво, если я не приду. — Мама улыбнулась. — Ну и, конечно же, я скучала по своей уменьшенной копии.

Я приснула, потому что на фоне ее фирменной одежды моя мятая пижама выглядела уморительно, и в ней я могла бы быть кем угодно, только не ее копией.

— Кстати, о меню, — вспомнила мама. — Тэффи говорит, ты не ответила на ее сообщения.

Я попыталась изобразить угрызения совести.

— О, точно. Я подкинула ей несколько идей для твитов неделю назад, но потом у меня было много домашки.

— Я знаю, что ты занята. Но ты так хорошо с этим справляешься. — Мама коснулась пальцем моего кончика носа, как она это делала, когда я была маленькой. Они с папой смеялись над тем, как я скашивала глаза, пытаюсь посмотреть на мамин палец. — И ты знаешь, как это важно для семьи.

Для семьи. Я знаю, она не подразумевала ничего такого, но ее слова задели меня.

— Ну да, папа наверняка ночами на спал из-за этих твитов.

Мама закатила глаза в любяще-раздраженной манере, которая в других обстоятельствах у нее была припасена для папы. Много воды утекло с тех пор, как они развелись несколько лет назад, но они все еще любят друг друга, хотя и уже не влюблены.

Мама с папой начали «Высшую лигу бургеров» как небольшой семейный бизнес в Нэшвилле десять лет назад,

тогда там подавали только молочные коктейли и бургеры, и мы каждый месяц едва собирали деньги на аренду. Никто не ожидал, что наша забегаловка превратится в четвертую по величине сеть фастфуда во всей стране.

Еще я не ожидала, что мои родители любовно и без судебного вмешательства разведутся, Пейдж начнет презирать маму за то, что она была инициатором развода, а мама в свою очередь так быстро из босоногой пастушки превратится в фастфудовского магната и мы переедем в Верхний Ист-Сайд.

Сейчас же Пейдж учится в Пенсильвании, папа по-прежнему живет в нашем старом доме в Нэшвилле, а мамины пальцы практически приросли к ее айфону, поэтому слово «семья» кажется притянутым за уши к ее попытке вызвать чувство вины у своей дочери-подростка.

— Объяснишь мне свою идею еще раз? — попросила мама.

Я едва сдержала тяжелый вздох.

— Поскольку мы запускаем новые сырные тосты на гриле, мы «прожариваем» людей в «Твиттере». Любой желающий шлет нам селфи, а мы пишем что-нибудь дерзкое в ответ.

Я могла бы объяснить ей более детально: рассказать о шаблонах ответов, которые мы придумали, напомнить о хештеге #ПрожаркаОтВЛБ, который мы собирались использовать, об игре слов, основанной на составе сыра-гриль, которую мы тоже хотели использовать, — но я очень устала.

Мама присвистнула.

— Мне это определенно нравится, но Тэффи точно не справится с этим *без тебя*.

Я поморщилась.

— Я знаю.

Бедняжка Тэффи. Ей сейчас двадцать с небольшим, она робкая тихоня, которая постоянно носит кардиганы. Она ведет профили «Высшей лиги бургеров» в «Твиттере», «Фейсбуке» и «Инстаграме». Мама наняла ее, когда

Тэффи только окончила школу, а наш семейный бизнес только начал развиваться. Но когда мы перешли на национальный уровень, отдел маркетинга решил, что в «Твиттере» «Высшая лига бургеров» должна вести ту же политику, что и КФС, — отвечать саркастично, дерзко и даже немного нахально. В общем, делать публикации в манере, которая абсолютно чужда нашей Тэффи, пусть она очень старалась справиться с поставленной задачей.

Что же касается меня, то, по всей видимости, в моем арсенале бесполезных талантов, которые несколько не облегчат мне жизнь в колледже, есть способность быть язвой в «Твиттере». Даже если сейчас «быть язвой» подразумевает способность лепить в фотешопе эмблему «Высшей лиги бургеров» на «Красти Краб» и эмблему «Бургер Кинга» на «Чам Баккет», — что я и сделала, когда Тэффи укатила со своим парнем в Диснейленд в прошлом году и мама попросила меня заменить ее. В итоге мой шедевр набрал больше ретвитов, чем любой из тех, которые постили раньше. И с тех пор мама постоянно заставляет меня помогать Тэффи с «Твиттером».

Я собиралась было напомнить маме, что давно пора повысить Тэффи зарплату и отпустить ее отдохнуть, чтобы она смогла нормально выспаться, но она уже повернулась ко мне спиной и уставилась на торт.

— Монстроторт?

— Он самый.

— Ммм. — Мама взяла кусочек уже разрезанного мной торта с противня. — Прячь его от меня, я не смогу остановиться и съем его полностью.

Для меня все еще странно слышать от мамы такие вещи. Если бы она не была гурманом, они с папой не смогли бы открыть «Высшую лигу бургеров». Кажется, еще не так давно мы с Пейдж сидели на веранде в нашем старом доме в Нэшвиле, пока папа обзванивал всех возможных инвесторов, а мама записывала рецепты всевозможных молочных коктейлей и зачитывала их вслух, чтобы узнать наше мнение.

Не думаю, что мне доводилось видеть ее делающей больше трех глотков коктейля за последние годы: сейчас она больше занимается бизнесом, а не готовкой. И пока я вливаюсь в новую мамину жизнь, пытаюсь ужиться в Нью-Йорке и помочь ей с «Твиттером», Пейдж только сильнее злится на маму из-за перемен. Иногда мне кажется, сестра любит заниматься нашим кулинарным блогом только потому, что видит в нем помеху для моей новой жизни.

Но неважно, насколько наша жизнь изменилась, у мамы есть одна слабость на все времена — это монстроторт. Когда я была маленькой, мы с мамой и Пейдж провели рискованный опыт в нашей старенькой духовке, смешав тесто для торта «Фанффети» с шоколадным маслом, песочным тестом, орео, арахисовым маслом и шоколадными конфетами «Роло». В результате мы получили нечто ужасное снаружи и восхитительное на вкус, поэтому мама украсила наше творение игрушечными глазами. Так наш монстроторт и появился на свет.

Мама откусила немного торта и застонала от удовольствия.

— Ладно, все, убери его с глаз моих.

Мой телефон завибрировал в кармане. Я вытащила его и увидела уведомление из мессенджера.

Волк

«Эй, если ты еще не спишь, то быстро дуй в кровать».

— Это Пейдж?

Я снова прикусила щеку изнутри, чтобы сдержать улыбку.

— Нет, это... один мой друг. — Или вроде того. На самом деле я не знала его настоящего имени. Но маме это знать необязательно.

Она кивнула, сдирая ногтем большого пальца пригоревшее к противню тесто. Я внутренне напряглась, ожидая от мамы вопроса о том, как там поживает Пейдж,

и мне снова пришлось бы сыграть роль посредника между ними. Но вместо этого она спросила:

— Ты знаешь Лэндона? Вы вместе учитесь.

Если бы я была глупой девочкой, хранящей личный дневник у себя под матрасом, то смогла бы уже впасть в панику. Но я не отношусь к той группе девушек, которые достаточно глупы, чтобы сделать это, хотя мама как раз относится к тому типу родителей, которые обязательно сунут нос в личный дневник своего ребенка.

— Да. Мы вроде как оба входим в команду по плаванию. — Это можно было бы перевести следующим образом: *«Да, я была по уши влюблена в него, когда ты внезапно перебросила меня в львиное логово, кишачье богатенькими детишками, которые знают друг друга с рождения».*

Первый день был ужасным ровно настолько, насколько только мог быть. Я никогда прежде не носила школьную форму, а от этой у меня зудело все тело, да еще и сидела она на мне не лучшим образом. Мои волосы по-прежнему вились и торчали в разные стороны, как это было и в средней школе. Все ребята уже общались группами, и никто не горел желанием принять к себе девочку, у которой в шкафу стоит шесть пар ковбойских ботинок, а на стене висит плакат с Кейси Масгрейвс¹.

Я едва сдерживала слезы, когда наконец нашла класс, в котором проходил урок английского, и, к своему ужасу, поняла, что летом все читали книги по списку и тест по прочитанному материалу должен был вот-вот начаться. Я до смерти боялась сказать что-либо учителю, когда Лэндон наклонился к моей парте и произнес:

— Не переживай, мой старший брат сказал, что она проводит эти тесты, только чтобы запугать нас — они не влияют на итоговую оценку.

Я заставила себя кивнуть ему. За те секунды, что Лэндон сел обратно на свой стул и опустил взгляд на свой

¹ Кейси Масгрейвс — американская кантри-певица и автор песен.

тест, мой глупый четырнадцатилетний мозг решил, что я влюбилась.

К счастью, это длилось всего несколько месяцев, я и разговаривала-то с ним от силы раз шесть. Но с тех пор я была слишком занята, чтобы влюбляться в кого-то еще, поэтому Лэндона можно считать моей единственной любовью в старшей школе.

— Отлично. Было бы неплохо, если бы ты сблизилась с ним. Пригласи его в гости как-нибудь.

У меня отвисла челюсть. Я знаю, что в школе она училась в девяностых, но это никак не оправдывает ее тотальное непонимание подростковых взаимоотношений.

— Эм, что?

— У его отца достаточно связей, чтобы помочь нашей сети выйти на международный уровень, — сказала мама. — Было бы неплохо сделать все, что в наших силах, чтобы расположить их к нам...

Я чуть не сгорела от смущения. Кроме того, что Лэндон плох в поэзии и любил грустить под Тейлор Свифт несколько лет назад, я о нем ничего не знала, да мне и не представлялось такой возможности. Особенно сейчас, когда он проходит стажировку в компании, занимающейся разработкой приложений, и я крайне редко вижу его в школе. Лэндон был слишком занят тем, что был Лэндоном — невероятно красивым, всеми любимым и явно не про мою честь.

— Что ж, не то чтобы мы с ним были друзьями или кем-то вроде того, но...

— Ты всегда хорошо ладила с людьми. — Мама подошла ко мне и потрепала меня по щеке.

Может, я и была такой, когда училась в прежней школе. У меня было много друзей в Нэшвилле, в основном они и были постоянными клиентами «Высшей лиги бургеров». Но мне и напрягаться не приходилось, чтобы заводить друзей. Они просто у меня были. Мы выросли вместе, все друг о друге знали. Наша дружба не была осознанным выбором, мы просто родились с этим.

Конечно, я не задумывалась над этим до нашего переезда в новую экосистему, где водились совсем другие ребята. В мой первый день в новой школе все пялились на меня как на пришельца. И если сравнить меня с моими новыми одноклассниками, которые выросли на кофе из «Старбакса» и туториалах по макияжу на «Ютьюбе», я таковым не являлась. В тот день я, вернувшись со школы, посмотрела на маму и просто разревелась.

Это сподвигло маму на действия быстрее, чем если бы наш дом был охвачен огнем. В течение недели полочки в моей ванной стали ломиться от косметики, стилисты учили меня укладывать мои непослушные волосы, частные уроки по макияжу, — мама сделала все, чтобы я не уступала богатым одноклассникам. Она перевезла нас в этот новый мир, она же и сделала все, чтобы мы к нему приспособились.

Наверное, странно сейчас вспоминать тот ужасный период с такой нежностью. В последнее время мы с мамой слишком заняты, и нас едва хватает на что-то большее, чем ночные разговоры на кухне, когда мы обе уже одной ногой в постели. Сегодня закончить нашу беседу решила я.

— Я пошла спать.

Мама кивнула.

— Не забудь завтра проверить, включен ли твой телефон, чтобы Тэффи могла с тобой списаться.

— Хорошо.

Меня, наверное, должно раздражать то, что для мамы «Твиттер» важнее моей учебы — особенно если учесть, что это она запихнула меня в одну из самых элитных школ в стране, — но я, наоборот, была рада, потому что мне приятно чувствовать, что мама нуждается во мне.

Вернувшись в свою комнату, я плюхнулась на груды подушек, которые лежали на моей кровати, откровенно наплевав на мой ноутбук и кучу дел, которые мне надо переделать. Вместо этого открыла «Визл» и набрала ответ.